

писателя, его афористическим истинамъ. Рассказчикъ, непосредственно передающій намъ свои философскіе выводы о жизни интеллигентнаго круга, не останавливается на нихъ и сыплеть ими безъ пощады. Лишенные изображенія и объективной формы, они только поражаютъ нашъ умъ своею оригинальностью, но въ сердце не проникаютъ и не овладѣваютъ имъ. Самыя сравненія, къ которымъ нерѣдко прибѣгаетъ рассказчикъ, непріятно изумляютъ насъ своею бѣдностью и некартинностью. Впечатлѣніе отъ рассказа получается тяжелое, странное, неопредѣленное, — вѣроятно, вслѣдствіе того, что остается неяснымъ, несознаннымъ и непонятымъ основной тезисъ рассказа, и потому, что рассказчикъ ведетъ себя неспокойно, говоритъ рѣзко, безсвязно и злобно. Онъ не хочетъ ограничиться изображеніемъ одной картины нашей семейной жизни и ея безобразій, а беретъ въ руки ножъ анатома и старается проникнуть въ самую интимную глубину ея. „Вы дѣйствуете,—говоритъ по этому поводу Воюэ,—подобно натуралисту, который бы видѣлъ во всемъ человѣчествѣ собраніе скелетовъ за витриной музея и который убѣжденнымъ тономъ сказалъ бы намъ: „вотъ люди со всѣмъ, что нужно знать о нихъ, со всѣмъ, что составляетъ ихъ сущность, ихъ скелетъ, ихъ кости“. Но кости эти жизнь облекла плотью, мускулами, что тоже существенныя части человѣка. Вы (Толстой, Спенсеръ, Тэнъ...) не имѣете права ни пренебрегать ими, ни упразднить ихъ. Гр. Толстой ихъ упраздняетъ и вотъ какимъ образомъ, побуждаемый весьма благородною, но весьма опасною заботой все далѣе углубляться въ истину, вотъ какимъ образомъ вашъ великій писатель въ дѣйствительности оканчиваетъ суживаніемъ истины. Всѣ эти пронизательные умы анализируютъ жизнь со строгостью и тонкостью невѣдомою нашимъ предшественникамъ. Послѣ анализа они признаютъ ее злою; тогда они отвращаются отъ жизни со страхомъ и омерзѣніемъ“. (см. статью Воюэ „По поводу Крейцеровой сонаты“ въ 12 кн. *Русскаго Обозрѣнія* за 1890 г.).